

Изъ лекцій по Догматическому богословію.

Таинство евхаристіи.

Невидимая сторона евхаристіи.

Въ чемъ состоитъ невидимая сторона евхаристіи?—Вся сущность ученія объ этомъ предметъ сводится къ двумъ вопросамъ: а) *дѣйствительно ли* въ евхаристіи присутствуетъ Іисусъ Христосъ и б) *какъ* присутствуетъ?

На первый вопросъ существуютъ два отвѣта: восточно-православная церковь, католики и лютеране признаютъ, что въ таинствѣ евхаристіи *дѣйствительно* присутствуютъ тѣло и крови Іисуса Христа; цвингліане говорятъ такъ, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи суть только *символы, знаки* распятаго на крестѣ тѣла Іисуса Христа и пролитой на крестѣ крови Его, а все вообще евхаристія есть не что иное, какъ *помянки* о крестной смерти Христа Спасителя. Такъ же въ сущности говорятъ и кальвинисты: и по ихъ воззрѣнію, въ евхаристіи предлагаются только знаки тѣла и крови Іисуса Христа, но вѣрующіе, принимая хлѣбъ и вино, духовно причащаются *животворящей силой*, исходящей отъ существа и лица Іисуса Христа.

Отвѣты на второй вопросъ нѣсколько оразнообразились. Католики учатъ, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи *пресуществляются* въ тѣло и кровь Христовы, такъ что отъ нихъ остаются только *внѣшнія свойства* (цвѣтъ, запахъ и проч.), сущность же ихъ измѣняется въ сущность тѣла и крови Іисуса Христа; выраженіемъ этого ученія служить

терминъ *пресуществленіе*. Въ сущности и въ нашей церкви содержится то же самое понятіе, только для выраженія его употребляется терминъ „*преложеніе*“. Лютеране отвергаютъ пресуществленіе и на его мѣсто ставятъ *сосуществованіе* (*consubstantiatio*) хлѣба и вина съ тѣломъ и кровію Христа при сохраненіи своей субстанціи.

Итакъ, на вопросы, *дѣйствительно-ли* въ евхаристіи присутствуетъ Иисусъ Христосъ и *какъ* присутствуетъ, христіанскія вѣроисповѣданія даютъ до противоположности различные отвѣты. Православная церковь, католики, лютеране и кальвинисты на первый вопросъ отвѣчаютъ *положительно*, цвингліане — *отрицательно*; на второй вопросъ православная церковь, католики и лютеране отвѣчаютъ такъ, что Иисусъ Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи *своимъ тѣломъ* и *своею кровію*, кальвинисты, что Онъ присутствуетъ *своею животворящею силою*.

Для правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ нужно обратиться къ Священному Писанію.

1. На первый вопросъ прямой отвѣтъ находится въ самомъ установленіи евхаристіи, въ словахъ Иисуса Христа: *сіе есть тѣло мое... сія есть кровь моя* (Мѡ. XXVI, 27). Смыслъ этихъ словъ такъ понятенъ, что трудно, да и не слѣдуетъ отступать отъ него, потому что аллегоріей не могъ говорить Иисусъ Христосъ въ такія великія минуты, какъ это и замѣтили апостолы, обратившись къ Иисусу Христу съ словами: *се нынѣ не обинуясь глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (Іоанн. XVI, 29). Съ другой стороны, изъ евангельской исторіи извѣстно намъ, что апостолы спрашивали Иисуса Христа, какъ скоро въ Его словахъ чего-нибудь не понимали. Но здѣсь мы не видимъ ничего подобнаго. Можно думать, что апостолы хорошо помнили прежде ученіе Иисуса Христа о *хлѣбѣ животномъ*, и потому установительныя слова евхаристіи приняли въ *собственномъ смыслѣ*. Главный изворотъ цвингліанъ къ перетолкованію

этихъ словъ состоитъ въ томъ, что подѣ словомъ *сiе* они разумѣютъ хлѣбъ, который держалъ тогда Иисусъ Христосъ, а слово *есть* принимаютъ въ смыслѣ „значить“, „означаетъ“; по ихъ толкованію, Иисусъ Христосъ какъ бы такъ говорилъ: „хлѣбъ, который Я преподаю вамъ, *означаетъ тѣло Мое*“. Дѣйствительно, мы могли бы толковать такъ, если бы Иисусъ Христосъ сказалъ: *ὁὗτος ἄρτος ἐστὶ τὸ σῶμα μου*, но Иисусъ Христосъ говоритъ: *λάβετε, φάγετε· τοῦτο ἐστὶ σῶμα μου*, т. е. *сiе*, что Я даю вамъ, *есть тѣло Мое*, иначе: примите, ядите,—Я даю вамъ тѣло Мое. При этомъ, не слѣдуетъ забывать, что Иисусъ Христосъ говорилъ на еврейскомъ языкѣ, а по-еврейски надобно сказать: *эго—Мое тѣло* (безъ глагола). Съ другой стороны, пониманіе глагола *есть* въ смыслѣ „означаетъ“ не примѣнимо, какъ вполне основательно замѣчалъ еще Лютеръ, къ словамъ Иисуса Христа о чашѣ. Если въ словахъ: *примите, ядите, сiе есть тѣло Мое* подѣ *сiе* разумѣть хлѣбъ, то въ словахъ: *пійте отъ нея вси, сiя бо есть кровь Моя*, подѣ *сiя* надо разумѣть *чаши*: но какимъ образомъ чаша можетъ означать кровь Христову?

Другое евангельское мѣсто, которое мы должны имѣть въ виду при составленіи истиннаго понятія о евхаристіи, находится въ евангеліи отъ Іоанна, въ *шестой главѣ*, гдѣ Самъ Иисусъ Христосъ, называя Себя истиннымъ хлѣбомъ, сходящимъ съ неба, говоритъ, что хлѣбъ, вводящій въ жизнь вѣчную, *есть та плоть*, которую Онъ дастъ за животъ міра (стих. 51). Когда іудеи, услышавъ эти слова, *пряхуся между собою, глаголюще: како можетъ сей дати намъ плоть свою ясти?* то Иисусъ Христосъ не только не показалъ ничѣмъ іудеямъ, что они поняли Его *неправильно*, а еще съ большею силою и ясностію продолжалъ Свою рѣчь въ томъ же смыслѣ: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови его, живота не имате въ себѣ. Идый мою*

плоть и нійя мою кровь, имать животъ вѣчный и азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво (53—55). Прибавленіе слова истинно (ἀληθῶς) ясно показываетъ, что іудеи, соблазнявшіеся обѣтованіемъ Спасителя дать имъ плоть свою ясти, нѣсколько не ошибались въ разумѣніи словъ. Его и что Онъ истинно обѣтовать имъ вкушеніе своей плоти и крови.—Точно такъ поняли эти слова и ученики Иисуса Христа, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, поражаея мыслию—вкушать плоть и кровь своего Учителя, съ ропотомъ говорили; *жестюко есть слово сіе, и кто можетъ его послушати?* И Спаситель, чтобы убѣдить ихъ въ возможности такого чудеснаго вкушенія, указалъ на *другое чудо*, на свое будущее вознесеніе, на которое Онъ указывалъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ на *самое сильное* доказательство своей божественной власти въ дѣлѣ ученія и истинности своей проповѣди: *вѣдѣи же Іисусъ въ себѣ, яко ропщутъ о селѣ ученицы ео, рече имъ: сіе ли вы бласнитѣ? Аще вбо узрите Сына человѣческаго восходяща. идѣже бѣ прежде?* т. е. яго-ли васъ соблазняетъ, что *И—хлѣбъ* спешій съ неба? Что же будетъ съ вами, когда вы увидите Сына человѣческаго, восходящаго туда, гдѣ былъ прежде (61, 62)?—Цвингліане, отрицая дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христовыхъ въ евхаристіи, даютъ всей этой бесѣдѣ смыслъ *иносказательный*. Основаніе для такого пониманія они указываютъ въ самой же этой бесѣдѣ, въ словахъ: *сіе ли вы бласнитѣ?... Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуется ничтоже: глаголы, яже азъ глаголахъ, духъ сущъ и животъ сущъ* (64). Этими словами, говорятъ цвингліане, Иисусъ Христосъ очевидно направляетъ своихъ слушателей къ пониманію Его бесѣды *не въ буквально-мъ, а духовномъ* смыслѣ. Но по меньшей мѣрѣ странно было бы, если бы послѣ неоднократнаго увѣренія въ буквально-мъ значеніи Своихъ словъ, Иисусъ Христосъ ска-

заль наконецъ: „да что вы соблазняетесь? Вѣдь слова Мои не буквально надобно понимать?“... У ап. Павла плоть и духъ—тоже, что ветхій и новый человекъ, *разумныя духовное и чувственное*; у ев. Иоанна плоть и духъ означаютъ *земное и небесное*. Апостолы поняли слова Иисуса Христа не только буквально, но и *чувственнымъ* образомъ. Поэтому, если слова Его—духъ и животъ, то и понимать ихъ надобно, очевидно, не плотскимъ образомъ, а *духовно, вѣрою*. „Плоти, говоритъ Иоаннъ Влатоустъ, свойственно *солициваться*,—она понимаетъ только то, что *видимо*; а вѣръ свойственно вѣрить, что Иисусъ Христосъ есть истинный Сынъ Божій, сшедшій съ небесъ“. И дѣйствительно, въ самомъ же евангеліи Иоанна, въ шестой главѣ, есть весьма сильный признакъ того, что изложенную въ ней бесѣду *нельзя* понимать метафорически. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Иисусъ Христосъ, по мнѣнію цвингліанъ, сказалъ, что слова Его слѣдуетъ понимать метафорически, *инози*, замѣчаетъ евангелистъ Иоаннъ, *отъ ученикъ Его идоша вспять и ктому не хоужаху съ нимъ* (66), т. е. оказались людьми именно *плотскими, не вѣрующими*. Наконецъ, надобно сказать и то еще, что если не принимать этой бесѣды въ буквальномъ смыслѣ, въ такомъ случаѣ нельзя обосноваться ни на чемъ твердомъ, потому что сколько будетъ толкователей, столько окажется и различныхъ объясненій. И дѣйствительно, одни подъ тѣломъ въ этой бесѣдѣ разумѣютъ ученіе (хотя въ Священномъ Писаніи ученіе нигдѣ не называется тѣломъ; притомъ, ученіе давно уже проповѣдывалъ Иисусъ Христосъ, а о тѣлѣ сказалъ: *дамя*); другіе—воплощеніе, и т. под.

Послѣ евангелія весьма определенное понятіе о евхаристіи находимъ мы у ап. Павла. Два раза приходитъ онъ къ разсужденію объ этомъ предметѣ. Въ первомъ мѣстѣ, предостерегая коринѣскихъ христіанъ отъ общенія съ язычниками въ ихъ идоложертвенныхъ трапезахъ, онъ говоритъ, что такое общеніе неприлично для причащающихся тѣла и крови

Христовыхъ: братія моя, возлюбленная, бѣгайте отъ идолослуженія. Яко мудрымъ глаголю; судите вы, еже глаголю. Чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крове Христовы есть? Хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?... Яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богу: не хочу же васъ общниковъ быти бѣсомъ. Не можете чашу Господню пити и чашу бѣсовскую: не можете трапезѣ Господней причащаться и трапезѣ бѣсовстѣй (1 Кор. X, 14—17. 20. 21). Въ этихъ словахъ апостолъ хотѣлъ, очевидно, указать христіанамъ сильнѣйшее основаніе—отвращаться отъ языческаго идолослуженія,—что, какъ понятно само собою, не достигалось бы, если бы рѣчь его была иносказательная.— Въ другой разъ ап. Павелъ говоритъ о евхаристіи при обличеніи неправильнаго ея употребленія въ собраніяхъ коринѳскихъ христіанъ. Съ этою цѣлію онъ раскрываетъ важность совершающагося въ христіанскихъ собраніяхъ таинства евхаристіи, рассказываетъ сперва исторію его учрежденія (1 Кор. XI, 23—26) и рассказываетъ такъ, какъ открылъ ему самъ Господь, безъ всякихъ объясненій, хотя самый случай и цѣль его рѣчи требовали бы поясненій, если бы надобно было понимать его слова иначе, а не буквально, и выводить изъ буквального ихъ смысла то заключеніе, что а) ядущій и пьющій недостойно повиненъ тѣлу и крови Господней (1—27), т. е. становится на ряду съ распинателями Христа и, слѣд., приобщается дѣйствительно тѣла и крови Христовыхъ, и б) что ядущій и пьющій недостойно—судь себя ясть и питъ, не разсуждая тѣла Господня (29)—*διὰ τοῦτο*, т. е. не отличая евхаристіи отъ обыкновенной пищи.

Такимъ образомъ, на основаніи св. писанія мы должны съ несомнѣнностію заключить, что въ таинствѣ евхаристіи дѣйствительно присутствуютъ тѣло и кровь Іисуса Христа. Такъ всегда и вѣровала церковь, какъ свидѣтельствуютъ о томъ творенія древнѣйшихъ отцовъ и учителей

церкви Игнатій Богоносецъ, опровергая докетовъ, говоритъ о нихъ, что они „удаляются отъ евхаристіи, не исповѣдуя, что евхаристія есть *плоть нашего Спасителя*, пострадавшая за грѣхи наши и воскресшая благосію Отца“. Лустинъ мученикъ, въ опроверженіе обвиненія христіанъ въ человекояденіи, говоритъ: „мы научены (апостолами), что евхаристія не есть обыкновенная пища, а *плоть и кровь* воплотившагося Іисуса Христа“. Много есть подобныхъ свидѣтельствъ у Иринея, Кливріана, Оригена, Тертулліана (цѣлое разсужденіе *de carne Christi*), Кирилла іерусалимскаго, который доказываетъ присутствіе тѣла и крови Іисуса Христа въ евхаристіи и словами Іисуса Христа, и сравненіемъ съ чудомъ въ Канѣ Галилейской, и съ превращеніемъ воды Египетской въ кровь, и проч.—Цѣло впрочемъ не въ сборѣ отеческихъ свидѣтельствъ, а въ томъ, что у нѣкоторыхъ отцевъ, принимающихъ истинное тѣло и истинную кровь Христа въ евхаристіи, встрѣчаются въ приложеніи къ ней слова: *αἶχὼν, τύπος* (Кириллъ Іерусал.), *ὑποτύπωσις*, *signum, similitudo* (Августинъ), у Оригена даже *σύμβολον*. Но эти выраженія отнюдь не заключаютъ въ себѣ *цингліанской* мысли. И прежде всего, слово *σύμβολον* Оригенъ употребляетъ въ своемъ сочиненіи противъ Цельса, съ которымъ онъ естественно долженъ былъ говорить языкомъ *осторожнымъ* о такомъ важнѣйшемъ христіанскомъ таинствѣ, какъ евхаристія. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать *обыкновенной манеры* Оригена—все обращать въ *аллегорію*: священство, храмъ, священные сосуды, даже христіанскіе праздники, напр. Пасху, пятидесятницу, воскресеніе и проч.—Что, затѣмъ, касается выраженій—*αἶχὼν, τύπος, signum, similitudo*, то появленіе ихъ въ языкѣ отеческомъ относится ко временамъ *иконоборства*, особенно монофизитства и моновелитства, съ точки зрѣнія которыхъ выходило, что и *человѣчество* Іисуса Христа *неописуемо*, какъ и Божество, и изображеній *человѣческихъ* имѣть не слѣдуетъ. Православные, опровергая

это воззрѣніе, опирались на томъ, что самъ Іисусъ Христосъ оставилъ намъ свой *образъ* въ евхаристіи, которому должно поклоняться. Слѣд., выраженія эти отнюдь не ведутъ къ тому, сдѣланному на основаніи ихъ, предположенію Кальвина, будто мысль о присутствіи тѣла Христова въ евхаристіи явилась въ Церкви *послѣ 7 вселенскаго собора*, а объясняются число историческими обстоятельствами. Употребленіе словъ *εἰκόν*, *τύπος*, *similitudo* и под. надобно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ въ свящ. писаніи говорится объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ явился *въ подобіи* плоти грѣха, *въ образѣ* Божій сынъ, и т. под.—Итакъ, повторяемъ, и Церковь вслѣдъ за свящ. писаніемъ всегда и постоянно вѣровала, что въ таинствѣ евхаристіи *дѣйствительно присутствуютъ* тѣло и кровь Іисуса Христа.

2) Отсюда уже предпрѣшается отчасти и второй вопросъ. Если въ таинствѣ евхаристіи Іисусъ Христосъ присутствуетъ своимъ *тѣломъ* и своею *кровію*, то воззрѣніе Кальвина, что Іисусъ Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи не тѣломъ и кровію, а *динамически*, своею божественною силою, очевидно не вѣрно. Не понимая, какимъ образомъ такъ многіе могутъ принимать одно и притомъ *цѣлое* тѣло Іисуса Христа, Кальвинъ допускаетъ только *духовное* причащеніе: „въ евхаристіи, говоритъ онъ, нѣтъ тѣла и крови Іисуса Христа, но причащающійся принимаетъ такую силу, какъ еслибы съ хлѣбомъ и виномъ причащался тѣла и крови“. Но эта мысль опровергается евангеліемъ. Іисусу Христу возражали, какъ можетъ Онъ дать плоть свою *ясти*? И Іисусъ Христосъ не только не устраняетъ этого недоразумѣнія, а подтверждаетъ свое ученіе положительно и отрицательно: *плоть моя*, говоритъ онъ, *истинно есть брашно.... аще не съѣсте плоти сына человѣческаго, живота не имаете въ себѣ*. Послѣ того, весьма странно говорить, что въ евхаристіи мы причащаемся тѣла Христова не реально, а по однимъ только *упопрѣдставленіямъ*, и притомъ

причащаемся не вѣтъ, а только истинно вѣрующіе (т. е. *предопредѣленные*),—странно тѣмъ болѣе, что послѣдняя мысль, будто тѣла и крови Иисуса Христа, хотя и духовно, причащаются одни только истинно вѣрующіе, а вѣсь остальные, слѣд., принимаютъ простой хлѣбъ, противорѣчитъ словамъ апостола: *ядый и пійай недостойнѣ, судъ себѣ ясыи и тмъ*. Не за что было бы и наказывать, если бы недостойный принималъ *только* простой хлѣбъ и простое вино. Притомъ, апостолъ прямо говорить, что недостойно причащающійся потому и виновенъ, что причащается *тѣла и крови* Христовыхъ; слѣд., присутствіе этого тѣла и этой крови въ евхаристіи обусловливается не вѣрою принимающаго, а *силою священнодѣйствія*.

Невѣрно и воззрѣніе лютеранъ, что тѣло и кровь Иисуса Христа въ евхаристіи присутствуютъ *влѣсьи и рядомъ* съ хлѣбомъ и виномъ. Въ подтвержденіе этого своего воззрѣнія лютеране пользуются словами ап. Павла: *хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть?* Но слово общеніе—*κοινωνία* въ свѣщ. Писаніи означаетъ тѣснѣйшее общеніе, напр. христіанина съ Духомъ Святымъ, съ Богомъ, человѣка—съ плотию, а отнюдь не *средство* или орудіе, какъ толкуютъ лютеране. Потому, какъ замѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ, апостолъ не сказалъ *μέθεξίς*—*причастіе*, а *κοινωνία*, дабы означить *тѣснѣйшее общеніе*, въ какое мы входимъ чрезъ евхаристію съ Иисусомъ Христомъ и между собою. Притомъ, апостолъ изъясняетъ самъ свое выраженіе—*κοινωνία*, когда говоритъ: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмь мнози: вси бо отъ единого хлѣба причащаемся*. Что же касается, наконецъ, выраженія: *хлѣбъ, егоже ломимъ*, то выраженіе это отнюдь не означаетъ того, что въ евхаристіи хлѣбъ остается хлѣбомъ, а есть метафора, означающая *всю вечерю* любви, какъ это объясняется въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, гдѣ о новокрещенныхъ говорится, что они *бяху терпяще во учении*

апостолъ и во общеніи и въ преломленіи хлѣба (II, 42).

Окончательнаго разрѣшенія этого вопроса надобно искать въ церковномъ преданіи. Ученіе православной церкви не можетъ дать намъ иной мысли, кромѣ той, что въ евхаристіи хлѣбъ и вино всемогущею силою Духа Святаго *претворяются* въ тѣло и кровь Христовы. Выраженіе этой мысли мы находимъ во всѣхъ древнихъ *литургіяхъ*, начиная съ литургіи ап. Іакова, въ которыхъ находится *молитва къ Богу Отцу* предъ освященіемъ св. даровъ, чтобы Онъ *преложилъ, прелѣнилъ, претворилъ* Духомъ Святымъ хлѣбъ въ честное тѣло Иисуса Христа, а вино въ честную кровь Его. Лютеръ отвергъ это понятіе потому, что терминъ, подъ которымъ оно выражается въ латинской церкви, т. е. *transsubstantiatio*, явился *очень поздно*. То правда, что терминъ этотъ явился поздно, но выраженное имъ понятіе существовало въ церкви изъ древности, а терминъ введенъ въ богословскій языкъ западной церкви въ концѣ XI в. *Гильдебертомъ Турскимъ* по поводу еретическаго ученія Ратрампа о евхаристіи. Непринятіе термина *transsubstantiatio* восточною церковію до конца XV вѣка, когда онъ впервые употребленъ константинопольскимъ патріархомъ *Геннадіемъ*, отнюдь не показываетъ, что въ восточной церкви до этого времени не было выражаемаго этимъ терминомъ *понятія*, а говорить только о томъ, что восточные считали этотъ терминъ новымъ и боялись—съ новымъ терминомъ принять какой-нибудь новый оттѣнокъ въ самомъ понятіи. Лютеране стараются изъяснить терминъ *transsubstantiatio* въ приложеніи къ измѣненію *случайностей*, а не самой сущности, потому что *substantia*, говорятъ они, *est immutabilis*. Но стоитъ только прочесть хотя нѣсколько отрывковъ изъ твореній отеческихъ, чтобы видѣть совершенную ложность ихъ толкованія. „Христосъ, говоритъ напр. *Кириллъ Іерусалимскій*, въ Канѣ Галилейской претворилъ нѣкогда воду въ вино, сходное съ кровію: не достоинъ ли Онъ вѣры, когда вино прелагаетъ

(μεταβαλὼν) въ кровь.“— „Поистинѣ, пишетъ *Григорій Нисскій*, думаю и вѣрую, что и нынѣ хлѣбъ освящаемый словомъ Божиимъ, претворяется (μεταποιεῖσθαι) въ тѣло Бога-Слова“. — „Мы говоритъ *Амвросій Медиоланскій*, всякій разъ, когда принимаемъ тайны, которыя чрезъ таинства священной молитвы преобразуются (transfigurantur) въ плоть и кровь, возвѣщаемъ смерть Господню“. Какъ итогъ всего церковнаго ученія объ этомъ предметѣ представляютъ собою слѣдующія слова *Іоанна Дамаскина*: „не вознесшееся тѣло сходитъ съ небесъ, а самый хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Божию. Если же ты спросишь, какимъ образомъ это бываетъ, то довольно тебѣ услышать, что сіе совершается *Святымъ Духомъ* такъ же, какъ Господь и отъ Святыя Богородицы составилъ Себѣ и въ Себѣ плоть Духомъ Святымъ. И мы ничего не знаемъ болѣе; знаемъ только, что Слово Божіе истинно, дѣйственно и всесильно, по образъ (претворенія) неизвѣдимъ. При семъ, можно еще сказать и то, что какъ хлѣбъ чрезъ яденіе, а вино и вода чрезъ питіе естественнымъ образомъ прелагаются въ тѣло ядущаго и пьющаго и дѣлаются не другимъ тѣломъ, отличнымъ отъ прежняго его тѣла, такъ и хлѣбъ предложенія, вино и вода чрезъ призваніе и наитіе Святаго Духа сверхъестественно претворяются въ тѣло и кровь Христову, и составляютъ не два тѣла, но одно и тоже“. Если же у нѣкоторыхъ отцевъ Церкви, напр. у *Василія Великаго* и *Кирилла Іерусалимскаго*, хлѣбъ и вино называются ἀντίτοπα, *вѣснообразными*, то или называются такъ до освященія, какъ объясняетъ *Дамаскинъ*, или дѣйствительно суть ἀντίτοπα *будущаго* причащенія, но уже не чрезъ вкушеніе, а чрезъ видѣніе. Гораздо болѣе затрудненія представляютъ слова *Іоанна Златоуста* изъ его посланія къ *Цезарію монаху*: „когда божественная благодать освятитъ хлѣбъ, то онъ уже достойно называется тѣломъ Господнимъ, хотя *естественно* (φύσις) хлѣба въ немъ остается“. На это мѣсто съ торжествомъ

указываютъ лютеране въ подтвержденіе своего мнѣнія о соприбываніи тѣла Христова съ евхаристическимъ хлѣбомъ. Но надобно замѣтить, прежде всего, что это мѣсто взято изъ посланія, *подлинность* котораго *оспаривается*. Съ другой стороны, у древнихъ словомъ *φύσις* означалось *случайное свойство*, наупр. твердость въ камнѣ; а если такъ, то мысль, приписываемая въ этомъ случаѣ Златоусту, заключаетъ въ себѣ общецерковное изъясненіе, что видъ, фигура хлѣба остается и послѣ его освященія.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія отцевъ и писателей церкви въ таинствѣ евхаристіи происходитъ измѣненіе не случайностей, какъ хотятъ объяснить это лютеране, а самой *сущности* хлѣба и вина въ сущность тѣла и крови Христова. У древнихъ восточныхъ отцевъ это понятіе выражалось терминомъ *преложеніе* (*μεταποίησις*, *μεταβολή*, *μεταμόρφωσις*); западная церковь съ XI в. начала употреблять терминъ *transsubstantiatio*. Совершенно ли тождественное понятіе передается обоими этими терминами? Въ существенномъ, тотъ и другой терминъ выражаетъ *одно и тоже* понятіе, — именно — измѣненіе сущности хлѣба и вина въ сущность тѣла и крови Иисуса Христа, почему, между прочимъ, терминъ пресуществленіе съ XV в., по почину Константинопольскаго патріарха Геннадія, вошелъ въ употребленіе и восточной церкви. Но въ самомъ образѣ представленія этого измѣненія между восточною и западною церковію существуетъ нѣкоторый *оттѣнокъ различія*. Въ западной церкви замѣчается тенденція *материализировать* это измѣненіе, представить его себѣ актомъ совершающагося на церковныхъ алтаряхъ образованія тѣла Христова въ конкретной формѣ, такъ что оно можетъ быть опущаемо руками и раздробляемо зубами (*sensualiter*, говорилъ Беренгарій Турскій, *non solum sacramento, sed in veritate, manibus sacerdotum tractari, frangi et fidelium dentibus afferri*). У древнихъ восточныхъ отцевъ мы находимъ болѣе возвышенный образъ представленія обѣ-

этомъ предметъ. Именно—по ихъ представленію, какъ во время земной жизни Іисуса Христа хлѣбъ и вино чрезъ вкушеніе и питіе претворялись въ Его кровь и дѣлались Его тѣломъ, воспринятымъ въ ипостась Его Божества, такъ и нынѣ Его божество, соединяясь съ евхаристическимъ хлѣбомъ и виномъ, претворяетъ ихъ въ тѣло Его, но уже не чрезъ питаніе и питіе, какъ было во время Его земной жизни, а чрезъ *освященіе силою Святого Духа*. Вотъ—собственно та мысль, которую выражаетъ терминъ *пре-
ложение*.

Итакъ, ученіе объ измѣненіи сущности хлѣба и вина въ тѣло и кровь Іисуса Христа въ таинствѣ евхаристіи было и доселѣ остается постоянною вѣрою церкви.

Отсюда выходятъ всѣ остальные пункты ученія о таинствѣ евхаристіи:

1) Хлѣбъ, по освященіи, становится тѣломъ, а вино—кровію Іисуса Христа, и такими остаются навсегда по освященіи—какъ *до* причащенія, такъ и *послѣ* причащенія. Выраженіемъ и подтвержденіемъ того служитъ обычай причащаться *преждеосвященными* дарами.

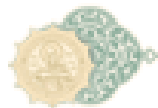
2) Съ евхаристическимъ тѣломъ ипостасно *соединено* бываетъ *божество*, потому что божество никогда не разлучалось отъ человечества, хотя бы на самое короткое время; противное тому было бы ученіемъ несторіанскимъ объ Іисусѣ, какъ чловѣкѣ богопономъ. Въ Священномъ писаніи мы не видимъ этой мысли прямо, но она вытекаетъ изъ ученія, изложеннаго въ VI главѣ евангелія Іоанна, гдѣ Іисусъ Христосъ называетъ Себя нашею пищею, почему апостолъ и называетъ насъ причастниками божественнаго естества, чего Онъ не могъ бы сказать, если бы мы причащались только чловѣческаго естества. Отсюда

3) Если Іисусу Христу, какъ Богочловѣку, подобаеъ божественное поклоненіе, то и въ евхаристіи Ему подобаеъ *такое-же поклоненіе*, какъ и въ собственномъ лицѣ.

Въ чемъ заключаются спасительные плоды или дѣйствія таинства евхаристіи?

Евхаристія представляетъ собою въ собственномъ смыслѣ жертву, потому что тѣло и кровь Іисуса Христа есть жертва, вознесенная Имъ на крестъ за животъ міра; а на жертвенникахъ христіанскихъ предлагаются то же самое тѣло и та же самая кровь, которыя были на крестѣ жертвою за грѣхи міра. Отсюда вытекаетъ необходимость литургіи: а) какъ *благодаренія* Богу за всѣ явленныя Имъ человеку милости и, прежде всего, за ниспосланіе на землю Сына Божія, за искупленіе насъ Его смертію отъ грѣховъ; отчего и самое, совершаемое на литургіи, таинство называется] *евхаристіей*; б) тѣло Іисуса Христа было жертвою *умилостивительною*, ради которой объявлено намъ Богомъ прощеніе грѣховъ нашихъ, такъ какъ этою жертвою удовлетворена правда Божія; отсюда и евхаристическая жертва имѣетъ ту же силу умилостивленія. Различіе евхаристіи отъ смерти Христовой заключается въ томъ, что Іисусъ Христосъ, какъ говоритъ ап. Павелъ, разъ умерши, ктому уже не умираетъ: слѣдов. евхаристическая жертва есть жертва *воспоминательная*. Сила жертвы та же самая, но въ евхаристіи жертва эта совершается не дѣйствительнымъ страданіемъ Іисуса Христа, а силою и дѣйствіемъ Святаго Духа, почему она называется жертвою *безкровною*, въ отличіе отъ кровавыхъ ветхозавѣтныхъ жертвъ; и такъ какъ эти послѣднія были жертвы безсловесныя (*ἄλογοι*), то евхаристическая жертва, въ отличіе отъ нихъ называется еще *λογικῇ θυσία*.

По этому двойному значенію евхаристіи, какъ *таинства* освящающаго и какъ *жертвы*, и дѣйствія ея двойныя. Какъ таинство, она даетъ намъ всецѣло принимать Іисуса Христа: *ядый мою плоть и пияй мою кровь*, говоритъ Спаситель, *во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ*. Изъ этого единенія со Христомъ вытекаетъ, затѣмъ, то слѣдствіе, что причащающійся евхаристіи пріобщается жизни Божіей, дѣлается живымъ и будетъ воскрешенъ въ послѣдній день,—

и это не по дѣйствию только всемогущества Божія, а потому, что чрезъ соединеніе со Христомъ онъ имѣетъ начало жизни въ себѣ: *ядый мою плоть и пійай мою кровь*, говоритъ Иисусъ Христосъ, *имать животъ вѣчный и азъ воскрешу его въ послѣдній день*.

Какъ жертва, евхаристія есть средство приближенія нашего къ Богу, потому что только смерть Иисуса Христа есть посредство нашего общенія съ Богомъ. Отсюда и всякая молитва, приносимая во имя страданій Христовыхъ, можетъ быть услышана отъ насъ Богомъ.

М. Ястребовъ.